

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ЖЕРОМ ФЕРРАРИ

ПРОПОВЕДЬ
О ПАДЕНИИ
РИМА

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ф43

Jérôme Ferrari
LE SERMON SUR LA CHUTE DE ROME

© Editions Actes Sud, 2012
Фото автора: rights reserved

Перевод с французского *Веры Колесиной*
Художественный редактор *Андрей Стариков*

Феррари, Жером.

Ф43 Проповедь о падении Рима / Жером Феррари ; [пер. с фр. В. Колесиной]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-88817-7

Роман Жерома Феррари в 2012 году стал лауреатом Гонкуровской премии и вышел тиражом 250 тысяч экземпляров.

Название его — аллюзия на «Слово о разорении города Рима» Блаженного Августина.

Падение могущественной Римской империи — аллегория человеческой жизни: тот, кто сегодня счастлив, не застрахован от того, что завтра останется на обломках бывшего благополучия.

При кажущейся простоте истории, которая стала основой сюжета, этот философский роман отсылает нас ко множеству литературных источников и требует вдумчивого, неторопливого чтения.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Колесина В., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88817-7

*Моему двоюродному деду
Антуану Весперини*

«Ты страшишься конца света?

Подивись лучше глубокой старости мира сего. Мир — что человек — рождается, стареет и умирает (...) Старость одолевает человека несчастьями, так и мир в старости терзают беды (...) Говорит тебе Христос: “Мир иссякает, он стар, гибнет и задыхается от собственной своей немощи, но не страшись, — обновится, подобно орлу, юность твоя”».

*Блаженный Августин
Проповедь 81, § 8, декабрь 410 г.*

*«Быть может,
Рим не погибнет,
пока живы римляне»*

Свидетельством истока, свидетельством и конца была, наверное, эта сделанная летом 1918 года фотография, вглядываясь в которую на протяжении всей своей жизни, Марсель Антонетти тщетно пытался разгадать тайну отсутствия. На фотоснимке — его мать, четыре сестры и брат. Вокруг них все окутано млечной дымкой, не видно ни стен, ни земли под ногами, а позирующие перед объективом кажутся призраками, парящими в странном тумане, вот-вот готовом поглотить их и развеять их образы. Возраст матери невозможно определить, она сидит неподвижно в темном платке и траурном платье, сложив руки на коленях, и она так напряженно всматривается в какую-то точку по ту сторону объектива, что кажется равнодушной ко всему происходящему вокруг: к фотографу с его инструментарием, к

Переводчик следует авторской разбивке текста на абзацы, а также авторскому синтаксису при оформлении прямой речи, сохраняя таким образом эффект непрерывного потока повествования.

летнему солнцу и к собственным детям, к прильнувшему к ней сыну Жан-Батисту в тесном морском костюмчике, в берете с помпоном, к трем старшим дочерям, нарядным и чопорным, стоящим у нее за спиной, и к Жанне-Мари, младшенькой, — она на первом плане, босая, в обносках и с бледным насупившимся личиком, которое едва угадывается за длинными прядями растрепанных волос. И всякий раз, когда Марсель старается поймать взгляд матери, ему кажется, что он уже предназначен ей и что, вглядываясь в лимб объектива, она ищет взглядом именно его, еще не рожденного ею сына. Ибо на этой фотографии, сделанной жарким летним днем 1918 года во дворе местной школы, где разъездной фотограф натянул между стоек белую простыню, Марсель прежде всего наблюдает за спектаклем своего собственного отсутствия. Все, кто очень скоро окружают его заботой и, наверное, любовью, все — здесь, но на самом деле никто из них о нем не думает, никто о нем не тоскует. Перед выходом из дома, в кои-то веки нарядившись в праздничную одежду, которая обычно лежит мертвым грузом в пронафталиненном шкафу, мать и сестры сначала пытаются успокоить четырехлетнюю Жанну-Мари — ведь у нее пока нет ни своего новенького платья, ни обуви; а потом все вместе отправляются к школе, на-

верное, с радостным волнением от того, что хоть что-то, пусть ненадолго, но наконец заставило их вырваться из рутины и одиночества военных лет. В школьном дворе толпится народ. Весь жаркий летний день 1918 года женщины и дети, калеки, старики и священники чередой замирают перед фотообъективом, тоже стремясь хоть на мгновение забыть о каждодневных заботах, и мать Марселя с детьми терпеливо ждут своей очереди, время от времени утирая слезы Жанне-Мари, стыдящейся своего дырявого платяца и босых ног. Перед самой съемкой девочка отказывается позировать вместе со всеми, и приходится смириться с тем, что стоит она на первом плане особняком, скрыв лицо за взлохмаченной копной волос. Все в сборе, а Марселя нет. И все же, повинувшись колдовству непостижимого закона вселенской гармонии, теперь, когда он их всех по очереди предал земле, они все еще существуют, и существуют только благодаря ему, потому что он до сих пор так преданно всматривается в эту фотографию; благодаря ему, о ком они и не помышляли, задерживая дыхание в ту самую секунду, когда фотограф нажимал на кнопку спуска затвора; благодаря ему, их теперешней единственной и хрупкой защите от небытия, и именно поэтому он снова и снова бережно достает эту фотографию из ящика — пусть даже пересиливая

себя, потому что на самом деле всегда терпеть не мог этот снимок, — ибо знает, что стоит ему пренебречь этим ритуалом, то от его родных больше ничего не останется, что фотография вновь превратится в инертное соединение черно-серых пятен, а Жанна-Мари навсегда перестанет быть четырехлетней девочкой. Порой он смотрит на них с раздражением, с накачивающим желанием упрекнуть их в отсутствии проникательности, в неблагодарности и безразличии, но, поймав взгляд матери, решает, что она все-таки его видит, распознавая сына в глубине того лимба, где томятся не рожденные еще младенцы; ему кажется, что она ждет его, даже если на самом деле безнадежно высматривает вовсе не его. Ибо по ту сторону объектива она ищет взглядом того, кто должен был стоять с ней рядом и чье отсутствие так сильно бросается в глаза, что можно было бы подумать, что эта фотография лета 1918 года и была сделана лишь для того, чтобы придать этому отсутствию осязаемость и запечатлеть его след. Отец Марселя во время первых боев в Арденнах¹ сразу оказался в плену и с самого начала

¹ Арденнская операция 21—23 августа 1914 года — сражение на Западном фронте Первой мировой войны. Завершилась победой Германской армии и отходом французских войск, часть Пограничного сражения 1914 года. *Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.*

войны работает на соляной шахте в Нижней Силезии. Каждые два месяца он отправляет домой письмо, которое пишет за него один из его товарищей по несчастью и которое дети зачитывают потом вслух матери. Письма идут так долго, что всякий раз все они опасаются, что незнакомый почерк донесет до них лишь эхо умершего. Но отец Марселя выжил и в феврале 1919 года вернулся в родную деревню, чтобы Марсель родился на свет. Ресницы отца были обожжены, ногти словно изъедены кислотой, а потрескавшиеся губы до конца жизни так и остались обметаны белой сыпью. Повзрослевших детей он, наверное, не узнал, а жена и не изменилась, потому что никогда и не дышала молодостью, и он обнял ее, хотя Марсель так никогда и не смог понять, какая же сила притянула друг к другу эти два увядших и изможденных тела — ни желание, ни даже животный инстинкт — может быть, просто объятие, необходимое для того, чтобы Марсель покинул тот лимб, в глубине которого он так долго томился в надежде на рождение, и, чтобы ответить на его молчаливый призыв, они привалились друг к другу в темноте спальни, стараясь не потревожить Жан-Батиста и Жанну-Мари, лежащих на матрасах в углу комнаты и замирающих от скрипов и хрипов, этой тайны без названия, так близко ощущая головокружительное

тайнство соития неистовства с сокровенным, пока их родители яростно изнуряли себя трением друг о друга, пытаясь выжать из иссохшей плоти соки, давно иссушенные тоской, скорбью и солью, пытаясь почерпнуть в глубине чресел капли слизи, чуть-чуть влаги, самую малость жидкости — вместилища жизни — хотя бы каплю, и они так старались, что эта единственная капля все-таки просочилась и объединила их обоих, открывая путь жизни, даже если к концу ночи оба были полумертвы. Марсель всегда со страхом воображал себе, что его на самом деле не ждали, что его рождение было результатом непостижимой космической необходимости, позволившей ему вспухнуть в иссохшем и враждебном чреве матери в то самое время, когда зловонный морской ветер заносил с заразных болот миазмы смертельного гриппа, истребляя целые деревни и сталкивая в поспешно вырытые могилы выживших в страшной войне, и ничто не могло этот ветер заставить утихнуть, как ту ядовитую муху в старой легенде, что, вылетев однажды из бездонных орбит смертоносного черепа, овевала людей ядом, насыщаясь их жизнями до тех пор, пока ее ужасающее брюхо не накрыло своей разбухшей тенью целые долины; так и продолжалось до тех пор, пока архангел не поразил ее наконец своим копьём. Покончив с мухой, архангел возвратился

в небесные свои покои, стал глух к мольбам и похоронным процессиям, отвернулся от умирающих и самых слабых: детей, стариков, беременных женщин, но мать Марсея, несмотря на горе, оставалась неколебима, и без усталости пытавшийся сдуть ее с ног ветер все же не тронул ее очаг. Ветер стих за несколько недель до рождения Марсея, и воцарившаяся вместо него гробовая тишина объяла собой поросшие сорняками поля, полуобвалившиеся стены, опустевшие овчарни и заброшенные гробницы. Закричал Марсель не сразу — после длившихся целую вечность мгновений дыхание его пришлось ловить уже не зеркальцем, а губами. Родители поспешили его крепить. И потом, сидя у кровати сына, смотрели на него с такой грустью, словно заведомо знали, что потеряют его, и этот грустный взгляд матери с отцом Марсель ощущал на себе потом все свое детство. Стоило чуть подскочить температуре, забурчать животу или закашляться, родители бросались ухаживать за ним как за умирающим, относясь к каждому выздоровлению сына как к последнему дарованному им чуду, зная, что ничто не иссякает столь мимолетно, чем неисповедимая милость Божия. Но Марсель упорно выкарабкивался и продолжал жить с настойчивостью, обратно пропорциональной своему тщедушию, словно еще в сухой тьме материнского чрева на-